
Анатолий Г. Вишневский¹

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., д. 3, к. 403.
Тел.: +7(495)772-95-90*11823, 11824

НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ²

Аннотация. Теория демографической революции / демографического перехода — главная теоретическая конструкция, лежащая в основе современных представлений о демографических процессах и их исторической эволюции. Она пользуется широким и заслуженным признанием. В то же время эту теорию едва ли можно считать завершённой: она не свободна от противоречий и нерешённых вопросов.

Теория в её нынешнем виде недостаточно осознаёт демографическую революцию как единство трёх революций — в смертности, рождаемости и миграции — и уделяет им неодинаковое внимание. Теория недооценивает относительную самостоятельность и взаимообусловленность демографических процессов, что приводит к преувеличению роли экономических, политических или культурных детерминант демографических сдвигов и к преуменьшению роли этих сдвигов как причины экономических, политических и культурных перемен.

Теория демографической революции не интегрировала в достаточной степени современные представления о функционировании сложных систем, их способности к самоорганизации и гомеостатическому саморегулированию. Только тогда, когда это будет сделано, теория сможет избавиться от свойственной ей «пессимистической эсхатологии», а её объяснительный потенциал будет до конца реализован.

Ключевые слова: теория демографической революции; теория демографического перехода; демографическое равновесие; демографическая эсхатология; революция в рождаемости; эпидемиологическая революция; эпидемиологический переход; миграционный переход; гомеостатическое саморегулирование.

JEL CODES: J00.

Цитирование: Вишневский А. Г. Нерешённые вопросы теории демографической революции. *Население и экономика*. — 2017. — Т. 1. — № 1. — С. 3—21.

¹ Анатолий Григорьевич Вишневский, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: avishnevsky@hse.ru

² Статья подготовлена на основе доклада, сделанного на Международной научной конференции «IX-е Валентеевские чтения. Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения)». Москва, МГУ, 18–20 октября 2017 г.

В статье использованы результаты исследований, выполнявшихся в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015–2017 гг.

Мысль о необходимости создания новой теории населения, отвечающей новым демографическим условиям, была высказана французским экономистом и демографом А. Ландри более 100 лет тому назад [Landry, 1909]. Такой теорией и стала теория демографической революции.

В развитии этой теории можно выделить несколько этапов. Первый из них связан с именами самого Адольфа Ландри и американского демографа Уоррена Томпсона. В 1934 г. Ландри опубликовал книгу «Демографическая революция» [Landry, 1934], где развил мысли, высказанные еще в 1909 г. [Landry, 1909], когда он сформулировал идею о появлении на исторической арене принципиально нового режима рождаемости, в чем, собственно, он и видел «революцию». Если Ландри отталкивался в основном от европейского опыта, то Томпсон размышлял о современных ему демографических переменах уже в мировом масштабе. И в том, и в другом случае было важно то, что авторы привлекали внимание к не встречавшемуся ранее в истории феномену, нуждавшемуся в теоретическом осмыслении.

Обобщения Томпсона и Ландри положили начало концептуализации взглядов на современный этап мировой демографической эволюции, оформившихся впоследствии в теорию демографической революции, или демографического перехода. Это произошло уже в 1940-е гг., благодаря усилиям американских демографов из Принстонского Центра демографических исследований (Фрэнк Ноутстайн, Кингсли Дэвис, Дадли Кирк, Энсли Коул и др.). В фокусе их интересов оказались не столько проблемы низкой рождаемости и грозящей депопуляции, привлекавшие внимание в довоенной Европе, сколько проблемы высокой рождаемости и ускоряющегося роста населения в развивающихся странах. Прогнозирование этого роста, поиски политического ответа на него требовали теоретического осмысления происходящего. Обращение к концепции демографической революции и ее развитие стали ответом на этот запрос времени.

Теория демографической революции / демографического перехода в том виде, в каком она была сформулирована американскими демографами в 1940-е гг., получила широкое признание. «Теория перехода предлагает достаточно точную модель основных изменений, происходящих с населением в последние столетия... Она описывает основные структурные сдвиги, которых можно ожидать в ходе таких изменений. Она даже предвидит и предсказывает с достаточной точностью демографические реакции на множество разнообразных факторов, порождаемых современными технологическими и культурными переменами. Таким образом, она, по-видимому, отвечает требованиям, предъявляемым к теории среднего уровня. Современный переход — лишь частный случай динамики демографических изменений, но он позволяет понять определенные за-

кономерности, которые открывают путь к существенным обобщениям» [Cowgill, 1970, p. 633].

Дж. Колдуэлл утверждал, что «современная теория демографического перехода появилась почти в зрелой форме в статье Ноутстейна в 1945 г.» [Coldwell, 1976, p. 323]. Позиция других авторов была более осторожной. «Современная демография — это прежде всего наука о демографическом переходе», — писал в 1968 г. Пол Демени, но о теории он говорил, скорее, в будущем времени, выражая надежду, что ответы на стоящие перед демографами вопросы, «в конечном счете, стуются в теорию демографического перехода: в сумму обобщений, которые способны объяснить возникновение, ход и конечный результат прошлых демографических переходов и которые также дадут нам ключ к предсказанию переходов в будущем» [Demeny, 1968, p. 502].

Расширение поля зрения теории

Теория демографической революции возникла в ходе поиска объяснений необычных тенденций рождаемости во всех промышленно развитых по меркам начала XX в. странах. Это относится не только к Ландри, но и к американским теоретикам демографического перехода, для которых именно уровень и тенденции рождаемости были главными критериями определения стадий перехода [Hodgson, 1983, p. 9].

Рождаемость оставалась в центре внимания теории и в первые послевоенные десятилетия. Еще в конце 1960-х гг., приводя примеры описательных и объяснительных задач теории демографического перехода, П. Демени говорил только о рождаемости. На уровне описания «...современные демографы часто задают вопросы: Каков уровень рождаемости в традиционных обществах? Когда начинается падение рождаемости? Где начинается падение рождаемости? Какова скорость ее снижения? Каков уровень рождаемости в современных обществах? На более амбициозном уровне появляется задача объяснения. Ответы на каждый вопрос о демографических фактах перефразируются в вопросы. Почему рождаемость начинает снижаться там, где это происходит? Почему снижение рождаемости в одном месте идет быстрее, чем в другом? И так далее» [Demeny, 1968, p. 502].

Положение изменилось в 1970-е гг., ставшие следующим заметным этапом развития теории демографической революции. В начале этого десятилетия в научный оборот были введены понятия «эпидемиологический переход» [Omran, 1971] и «эпидемиологическая революция» [Terris, 1972; 1976], «переход в мобильности» [Zelinsky, 1971], «контрацептивная революция» [Westoff, Ryder, 1977]. По крайней мере, некоторые из названных авторов, вводя новые понятия, подчеркивали свою неудовлетворенность

состоянием теории демографической революции / демографического перехода и свое стремление внести вклад в ее развитие.

Автор концепции эпидемиологического перехода А. Омран отмечал, что стимулом для ее развития стали «ограниченность теории демографического перехода и необходимость комплексного подхода к демографической динамике» [Omran, 2005, p. 732–733]. Он видел свою основную задачу в том, чтобы «предложить теоретический взгляд на процесс демографических изменений, соотнося модели смертности с демографическими и социально-экономическими тенденциями» [Omran, 2005, p. 755].

В свою очередь, У. Зелинский полагал, что термин «демографический переход» (*demographic transition*) неправомерно используется для обозначения того, что в действительности правильнее называть «переходом в воспроизводстве населения» (*vital transition*) и, по существу, указывал на необходимость трактовки «миграционного перехода» как органической части демографического перехода в целом.

В результате всех этих подвижек «поле зрения» теории демографической революции существенно расширилось, рождаемость перестала быть почти единственным фокусом, теория становилась все более всеохватывающей, открывающей путь к пониманию всех основных демографических процессов и их взаимодействия. Идея перехода стала модной, появились концепции второго [Van de Kaa, 1987] и третьего [Coleman, 2006] демографических переходов, санитарного перехода [Frenk et al., 1991], время от времени сообщают об открытии новых переходов [см. напр., Eggleston, Fuchs, 2012].

«Революция» или «переход»?

Перемещение в 1940-е гг. центра обсуждения проблем демографической революции в США сопровождалось «переименованием» теории. Предложенный Ландри термин был, конечно, известен американцам. Иногда они употребляли термин «*vital revolution*», еще в 1944 г. К. Дэвис писал о «демографической революции, неотделимой от промышленной революции» [Davis, 1944, p. 57]. Но затем «демографическая революция» уступила место «демографическому переходу». Это термин был предложен в 1945 г. Ф. Ноутстайном [Notestein, 1945, p. 40], тогда же он был впервые использован Кингсли Дэвисом в названии статьи [Davis, 1945] и вскоре получил широкое распространение как в США, так и за их пределами.

Как пишет ван де Каа, трудно сказать, было ли слово «революция» отвергнуто сознательно или слово «переход» получило более широкое международное звучание благодаря тому, что для большинства исследователей американская демографическая литература была доступнее французской. Это, по словам ван де Каа, «ослабило историческую глубину и смысловое

звучание термина и больше подчеркнуло связь с модернизацией и ее экономическими последствиями» [Van de Kaa, 2010].

Можно согласиться с ван де Каа в том, что термин «революция» интуитивно указывает на более глубокий и менее зависящий от экономических изменений исторический контекст и был выбран Ландри не случайно, он как бы ставил эту почти незамеченную революцию рядом с Французской политической революцией [Van de Kaa, 2010]. Чешский демограф Зденек Павлик, использующий термин «демографическая революция», подчеркивал, что «демографическая революция является составной частью многостороннего исторического процесса, причем она не есть пассивный продукт этого процесса, а играет в нем свою самостоятельную и важную роль» [Павлик, 1979, с. 161]. Мне тоже кажется, что термин «революция» действительно более соответствует совершенно особой, фундаментальной роли идущей на наших глазах демографической трансформации. Если признать, что эта трансформация действительно знаменует собой переход к новой репродуктивной стратегии вида *Homo sapiens* [Вишне夫斯基, 2014], то надо признать и то, что по своему общечеловеческому значению, по своим последствиям, и по порождаемым ею глобальным рискам она превосходит любую политическую или экономическую революцию.

Иногда полагают, что в России «в советский период доминирование марксистской (революционной) идеологии способствовало тому, что термин “демографическая революция” был предпочтительней “демографического перехода”» [Антонов, Борисов, 2011, с. 232]. Это не соответствует действительности. В советском Демографическом энциклопедическом словаре упоминается термин «демографическая революция», но основная статья называется «Демографический переход» [Демографический... 1985, с. 115–117].

Вопрос о термине, конечно, не главный. Хотя я отдаю предпочтение «демографической революции», я не отказываюсь и от термина «демографический переход». Сложившаяся научная традиция оправдывает использование обоих терминов как синонимов. Но есть гораздо более важные содержательные вопросы, без которых дальнейшее развитие теории едва ли возможно.

Этапы и составные части демографической революции

Первое, с чего начинается обычно знакомство с теорией демографической революции, это описание ее эмпирически фиксируемых и логически понятных последовательных этапов. Если понимать эту революцию просто как переход от равновесия высоких к равновесию низких уровней смертности и рождаемости, то естественно попытаться разграничить различные фазы этого длящегося какое-то время в каждой стране движения. Перво-

начально само это разграничение приобретает характер концептуализации, поскольку в нем содержится идея «перехода» — в отличие от фиксации наблюдаемого в каждый момент статического разнообразия. Ноутстайн описывал переход как последовательность трех этапов, характеризующихся, прежде всего, уровнем рождаемости: этап потенциала высокого роста (*high growth potential*), этап переходного роста (*transitional growth*) и этап начинающегося падения (*incipient decline*) [Notestein, 1945, p. 42–50].

Сейчас широко распространена пятифазная схема перехода, предложенная в конце 1940-х гг. [Blacker, 1947]: стационарность при высоких уровнях смертности и рождаемости (*high stationary phase*); ранняя фаза роста (*early expanding phase*) — смертность снижается, рождаемость остается высокой, вследствие чего ускоряется рост населения; поздняя фаза роста (*late expanding phase*) — снижение смертности замедляется, а снижение рождаемости ускоряется, их уровни сближаются и рост населения начинает замедляться; стационарность при низких уровнях смертности и рождаемости (*low stationary phase*); и, наконец, фаза упадка (*declining phase*) — рождаемость опускается ниже смертности, появляется естественная убыль населения, и если она не компенсируется иммиграцией, население начинает сокращаться¹. Параллельно изменениям смертности и рождаемости изменяется и форма возрастной пирамиды, население стареет.

Описание однотипных этапов демографической революции хорошо для первоначального знакомства с этим сложным универсальным историческим феноменом, но оно служит лишь первым приближением к его более глубокому научному анализу. Теория не может ограничиться лишь

¹ Схема Блэйкера получила всемирную известность. Но, справедливости ради, следует сказать, что она была с не меньшей четкостью изложена задолго до него жившим во Франции эмигрантом из России Александром Кулишером. «Большинство современных народов проходят в разное время в зависимости от момента, когда каждый из них вступает на путь “современного прогресса”, один и тот же типичный с точки зрения развития населения цикл. Начиная с Англии, где этот цикл обозначился во второй половине XVIII в., он повторяется с удивительной регулярностью этапов, из которых он складывается, у других европейских народов, в целом распространяясь с запада на восток. Этот цикл, который сегодня завершается у самых продвинутых в этом отношении народов, тогда как у других он еще в полном разгаре, состоит из нескольких этапов. На первом этапе население растет все быстрее и быстрее благодаря длительному снижению смертности. Рождаемость также начинает снижаться, но с некоторым отставанием, и ее снижение идет вначале более медленно, так что избыток рождений все время увеличивается, и страна переживает настоящее “наводнение”. Со временем рост [населения] все заметнее тормозится в результате снижения рождаемости, которое нагоняет снижение смертности, хотя смертность также продолжает снижаться. Относительный прирост сокращается, хотя абсолютные числа продолжают расти. В конце концов, ошеломляющее снижение рождаемости ведет к исчезновению избытка рождений и даже предвещает сокращение населения» [Koulicher, 1933, p. 354–355; Кулишер, 2015 (а), с. 29]. По сути, в этом кратком описании содержатся все идеи, развитые впоследствии американскими теоретиками демографического перехода.

количественным описанием происходящих перемен, она должна раскрыть их содержание, осмыслить их причины и последствия. Для этого надо обратиться к сути революционных перемен, затронувших все главные демографические процессы: смертность, рождаемость и миграцию. В поле зрения теоретиков они попали не одновременно.

Революция в рождаемости. Как уже отмечалось, внимание первых теоретиков демографической революции было привлечено к снижению рождаемости, для них оно было почти синонимом этой революции.

Огромные изменения в рождаемости — и по скорости, и по глубине — действительно не имеют прецедента и дают основания говорить об их революционном характере. Но с самого начала было понятно, что революция в рождаемости стала лишь ответом на снижение смертности, о котором как раз никто не говорил, как о революции, эта тема возникла намного позже. Кроме того, уже давно было понято, что это не единственный, а лишь *один* из возможных ответов [Davis, 1963]. Более того, очевидно, что и этот ответ может иметь многообразные формы.

Со времен Ландри, когда говорят о революции в рождаемости, то чаще всего по умолчанию подразумевается лишь тот ее этап, который связан с распространением внутрисемейного регулирования деторождения. Между тем, снижение рождаемости как ответ на снижение смертности началось задолго до этого этапа и достигалось иным путем, о котором сам Ландри писал как о модели, в которой «непосредственным регулятором численности населения становится не смертность, а брачность» [Ландри, 2014]. Массовое обращение к этому регулятору привело к появлению «европейского типа брачности», который «можно с достаточной достоверностью проследить, начиная с XVII в. для всех слоев населения» [Хаджнал, 1979, с. 65]. Поздние браки или безбрачие как один из способов снижения рождаемости в ответ на снижение смертности хорошо известны демографам [Davis, 1963; Livi Bacci, 1995].

Не правомерно ли отнести начало революции в рождаемости ко времени появления этой модели, а благодаря этому лучше понять особенности взаимодействия семьи и общества на разных стадиях революции? Тогда, может быть, и изменения, названные «вторым демографическим переходом», потеряют свою исключительность и станут восприниматься как один из этапов перемен в рождаемости, в которых семья всегда выступала и главным революционером, и главным получателем достигнутого выигрыша.

Революция в смертности. Разумеется, теория демографической революции, даже и ориентированная, в первую очередь, на объяснение фундаментальных изменений в рождаемости с самого начала учитывала связь этих изменений со снижением смертности. Однако это снижение, исторически предшествовавшее снижению рождаемости, долгое время воспри-

нималось лишь как некая данность, как внешнее обстоятельство, которое нужно учитывать при объяснении снижения рождаемости, но не более того. Вопрос же о том, что происходит с самой смертностью, почему она снижается и какие глубинные перемены стоят за этим снижением, не задавался, казалась достаточной ссылка на общий прогресс, успехи медицины, повышение уровня жизни и т.п. «Весь процесс модернизации в Европе и заморской Европе обеспечивал рост уровня жизни, новый контроль над заболеваниями и снижение смертности» [Notestein, 1945, p. 40].

Только концепция эпидемиологического перехода, появившаяся намного позднее, чем общие представления о демографической революции, привлекла внимание к снижению смертности как к самостоятельному процессу, требующему анализа его внутреннего содержания. Имя Омрана хорошо известно демографам, однако в обзорах по истории собственно демографического перехода его имя обычно не упоминается. В этом есть большая несправедливость, потому что именно он сделал изучение и истолкование сути глубинных изменений в смертности одним из главных элементов концептуального видения демографической революции в целом.

Роль снижения смертности как ключевого механизма, запускающего демографическую революцию, было признано и до Омрана. Но его интерес к «моделям смертности» открыл путь к переосмыслению очевидного факта количественного снижения смертности в терминах изменения структуры причин смерти. Отталкиваясь от фундаментальных различий в структуре патологии и причин смерти, Омран говорил о переходе от одного этапа истории смертности к другому. Он не употреблял слово «революция», но, по сути, речь шла именно о революционных изменениях, отделяющих одну эпоху от другой. (Термин «эпидемиологическая революция» использовал Милтон Террис [Terris, 1976], но он не был демографом и не упоминал о демографическом переходе.) Концепция эпидемиологического перехода помогает понять «анатомию» исторических изменений смертности именно как самостоятельной революции, приведшей к коренному изменению этой структуры, вследствие чего происходит «не только переход от одной доминирующей структуры патологий к другой, но также радикально трансформируется возраст смерти» [Meslé, Vallin, 2002, p. 440].

Представление об «эпидемиологической революции», или, в терминологии Омрана, «эпидемиологическом переходе», должно быть «вмонтировано» в общую теорию демографической революции как ее интегральная часть. Революция в смертности столь же важная часть всей демографической революции, как и революция в рождаемости, в каком-то смысле даже более важная, потому что именно с нее все и началось. И так же, как и революция в рождаемости, революция в смертности еще не вполне завершена на практике и не до конца осмыслена в теории. Интерес тео-

ретиков все больше смещается в область прогнозирования новых этапов этой революции и их влияния на динамику и возрастной состав населения, что способствует более глубокому осмыслению всей демографической революции как единого комплексного процесса.

Революция в миграции. У. Зелинский имел все основания утверждать: то, что демографы называют «демографическим переходом», не является таковым, так как не включает в себя миграцию. Зелинский говорил о более широком «переходе в мобильности» (*mobility transition*) и подчеркивал, что «подлинная миграция, несомненно, указывает на ощутимый и одновременный сдвиг как в пространственном, так и в социальном измерении» [Zelinsky, 1971, p. 224]. Но при более конкретном анализе он рассматривал в основном территориальные миграции (хотя и делая оговорку о том, что концепция территориальной мобильности используется «как замена совокупности социальной и физической мобильности» [p. 225]). В любом случае подход Зелинского дает основания говорить и о собственно «миграционном переходе», который в полном смысле слова революционизировал миграцию, впервые в истории сделав ее индивидуальной и добровольной. Это открыло возможности для перемещения избыточного сельского населения в города и урбанизации, а затем и крупномасштабных международных миграций, приведших к заселению Нового света и постепенно охвативших весь мир.

Уже К. Дэвис ясно понимал, что крестьянские миграции в города стали одним из первых ответов европейцев на снижение смертности и нарушение демографического равновесия, наряду с таким ответом, как распространение поздней «европейской» брачности [Davis, 1963, p. 352–354]. Идеи Дэвиса развивал Фридлендер [Friedlander, 1969], причем он указывал и на других своих предшественников. Зелинский ссылаясь на них обоих, рассматривал изменения в миграции как ответ на возникновение дисбаланса рождаемости и смертности в ходе «витального» перехода и прослеживал взаимосвязь двух переходов — «витального» и миграционного — на разных этапах изменений рождаемости и смертности [Zelinsky, 1971, p. 230–231].

Зелинский упрекал демографов в недооценке миграции, но и демографы, со своей стороны, понимая, что миграция — «один из механизмов демографического регулирования», признают, что «парадоксальным образом, миграционные перемещения не находят места в теории демографического перехода» [Chaisnais, 1986, p. 156].

Казалось бы, появившаяся сравнительно недавно концепция «третьего демографического перехода» Д. Коулмена [Coleman, 2006], который также критически оценивает нынешнее отношение демографов к миграции («до недавнего времени в современной демографии на миграцию смотрели как на бедную родственницу» [Коулмен, 2013, p. 269]), должна

способствовать осмыслению «миграционного перехода» как части всемирной демографической революции. Однако, скорее всего, это не так.

Акценты в концепции Коулмена расставлены таким образом, что современные международные миграции не рассматриваются как неизбежная и предсказуемая фаза общей демографической революции, теперь уже глобальной, как этап миграционного перехода, становящегося одним из закономерных ответов на снижение смертности и ускорение роста населения, приводящие к выталкиванию избыточного населения, о чем писали Дэвис, Зелинский или Шене.

Логика теории демографической революции подсказывает, что ее глобализация включает в себя глобализацию и миграционного перехода, как ее неотделимой части, небывалый рост мобильности миллиардов жителей развивающегося мира со всеми вытекающими из этого последствиями, в том числе, возможно, и очень неприятными. Коулмен же рассматривает не весь этот процесс и не все его последствия, а только те из них, которые могут оказаться болезненными для развитых стран, принимающих мигрантов. При этом неизбежность и универсальность миграционного перехода ставится под сомнение, предполагается, что у него есть альтернативы, и при правильной политике развитые страны могут оградить себя от его последствий. Подобная успокоительная точка зрения не вытекает из теории демографической революции и, скорее, игнорирует описываемые ею объективные процессы, чем помогает их понять.

Таким образом, демографическая революция включает в себя, по меньшей мере, три революции: революцию в смертности (эпидемиологическую революцию), революцию в рождаемости и миграционную революцию. Все вместе они сопровождают переход человечества к новой стратегии размножения [Вишневский, 2014] и его адаптацию к новым демографическим реалиям.

Демографическая революция в контексте исторических перемен: двойная объяснительная логика

Одна из наиболее уязвимых сторон теории демографической революции в ее современно виде — крайне противоречивая логика объяснения составляющих ее суть перемен. Это особенно хорошо видно на примере рождаемости.

С самого начала теоретикам демографической революции было ясно, что снижение рождаемости стало ответом на снижение смертности, но почему-то это объяснение им казалось недостаточным. «В прошлом ... рождения в семье могли быть многочисленными: умирало столько детей, что большие семьи встречались далеко не часто; сегодня при такой

рождаемости большие семьи стали бы правилом. Но можно ли этим объяснить снижение рождаемости? Достаточно ли этого, чтобы утверждать, что неограниченное размножение порождало теперь не просто довольно небольшой риск больших семейных расходов, но вероятность столь большой нагрузки, чтобы это привело к ограничению воспроизводства? Представляется, что это не так. Надо, следовательно, искать другое объяснение» [Landry, 1982, p. 38–39]. Это другое объяснение Ландри находил во влиянии на демографическое поведение людей новых идей и представлений, восходящих к эпохе Просвещения и Французской революции.

Столь же непоследовательной была и позиция американских теоретиков демографического перехода. Они совершенно определенно указывали на роль снижения смертности как причины этого перехода, хорошо понимали, что «снижение смертности создавало затруднения для человека, увеличивая его семью» [Davis, 1963, p. 352]. Прекрасно знали они и все виды ответов на снижение смертности, к которым прибегало население Европы, когда это снижение только началось (прежде всего, ответ поздней брачности и миграционный ответ) и когда снижение смертности набрало силу и понадобилось «планирование семьи». Смысл всех этих ответов заключался в том, чтобы *сохранить прежний размер семьи*. С самого начала было понято и то, что демографический переход несет с собой «поразительный выигрыш в эффективности». «Новый тип демографического равновесия высвободил огромное количество энергии из вечной цепи воспроизводства, энергии, которая могла быть израсходована на решение других жизненных задач» [Davis, 1945, p. 5].

Парадокс заключается в том, что, обладая ясным пониманием природы реально происходивших изменений, они одновременно с упорством, достойным лучшего применения, настойчиво искали объяснения несуществующего факта — «коренного *изменения*» (подчеркнуто нами — *А. В.*) мотивов и целей людей в отношении размера семьи» [Notestein, 1945, p. 40]. Как писал об этом намного позднее Д. Кирк, «удивительно, что в то время как на снижение смертности обычно указывают как на *raison d'être* снижения рождаемости, ему не часто отводят первое место среди *причин* снижения рождаемости» [Kirk, 1996, p. 368]. Пожалуй, только А. Омран, которого обычно не включают в число теоретиков демографической революции в целом и вспоминают только когда речь идет о революции в смертности, без обиняков указывает на роль снижения смертности как ключевой причины снижения рождаемости, которое не вызывает у него никакой тревоги. «Повышение показателей дожития в младенческом и детском возрастах подрывает комплекс причин социального, экономического и эмоционального порядка, которые побуждают индивидов иметь большое число детей, а общество — ратовать за высокую рождаемость. Как только супружеская чета обретает почти полную уверенность в том, что их по-

томство... переживет их, усиливается вероятность более широкого ограничения рождаемости. Происходит не только уменьшение усилий “компенсировать” потерю детей, но сами усилия родителей и их эмоции приобретают новую качественную окраску, ибо ребенок в небольшой семье может рассчитывать на большую защиту, заботу и получает лучшее воспитание» [Омран, 1977, с. 74].

Но большинством демографов противоречивость их собственных теоретических построений удивительным образом не осознавалась и не осознается до сих пор. Ноутстайн видел причины мифических изменений в отношении людей к размеру семьи в трансформациях социальной и экономической среды и приводил целый список таких трансформаций. Этот список включал в себя и рост индивидуализма, и развитие городской жизни, и рост стоимости воспитания детей, и изменение роли семьи в обществе, и многое другое. С тех пор самые авторитетные теоретики демографического перехода, такие как Дж. Колдуэлл, авторы теории «Второго демографического перехода» Д. Ван де Каа и Р. Лестег, да практически все демографы, в том числе российские, обращаясь к объяснению снижения рождаемости в процессе перехода, повторяют с разными вариациями и добавлениями список Ноутстайна¹, пытаясь, в свою очередь, раскрыть тайну несуществующих различий в среднем размере семьи до и после демографической революции.

Странная слепота исследователей революции в рождаемости — отражение более общей методологической проблемы, не решенной в рамках теории демографической революции. Много лет назад я писал, что рассмотрение демографической революции как самостоятельного исторического феномена требует и признания его самостоятельной внутренней логики, хотя, к сожалению, «эта внутренняя логика не привлекает внимания демографов, которые истолковывают такие перемены лишь как следствие различных социальных сдвигов, недемографических по своей природе» [Vishnevsky, 1991, p. 267].

Ни у кого нет сомнений, что теория демографической революции «устанавливает взаимосвязь между социально-экономическими и демографиче-

¹ Это был, конечно, не первый такой список. Как пишет Ходжсон, «в 1893 г. Джон Биллингс предложил довольно современный список социально-экономических факторов, побуждающих супружеские пары прибегать к контрацепции: растущее стремление к предметам, которые раньше были роскошью, но теперь стали почти необходимыми; желание сохранить или обезопасить свой социальный статус посредством расходов, не связанных с деторождением; стремление повысить качество детей, что требовало больших расходов на каждого ребенка; увеличившееся стремление женщин быть независимым от «возможных или фактических супругов»; усиливавшееся отношение женщин к ведению домашнего хозяйства как к «разновидности домашнего рабства» [Billings, 1893, p. 476. Цит. по: Hodgson, 1983, p. 5].

скими изменениями» [Hodgson, 1983, p. 7]. Вопрос, однако, состоит в том, как интерпретируется эта связь.

В демографической революции можно видеть лишь следствие социально-экономических изменений. Так можно понимать, например, слова К. Дэвиса о том, что «социокультурный переход, известный как промышленная революция, сопровождался глубоко связанным с ним демографическим переходом» [Davis, 1945, p. 5]. Вообще всякий раз, когда теоретики сталкиваются с новыми изменениям в демографическом бытии людей, они пытаются объяснить эти изменения не внутренней логикой хода самой этой революции как достаточно автономного историко-демографического процесса, а ищут внешних по отношению к нему объяснений. Снижение рождаемости, изменения института брака и семьи и т.п. они рассматривают лишь как следствия перемен в экономике, политике, культуре и пр.

Но можно видеть исторические события по-иному. Снижение смертности в Европе, которое обозначилось там задолго до промышленной революции, сделало возможным и необходимым не только снижение рождаемости, но и «миграционный ответ», который создал предпосылки для роста городов и развития промышленности. При такой трактовке революция в рождаемости — не следствие промышленной революции, а равноправный с нею результат происходивших ранее изменений, в том числе (а, может быть, и в первую очередь) демографических.

Ходжсон утверждает, что теоретики демографического перехода рассматривали уровень рождаемости как зависимую переменную, т.е. считали, что этот уровень всегда можно понять, анализируя влияющие на него компоненты социальной системы, и при этом приводит в качестве первого такого компонента снижение смертности [Hodgson, 1983, p. 10]. Но тем самым он, во-первых, косвенно признает исключительную роль снижения смертности как причины снижения рождаемости, что как раз и не устраивало или не полностью устраивало упомянутых им теоретиков. Во-вторых же, он интерпретирует снижение смертности как социальный, а не демографический процесс. Это верно, если относить к социальным все процессы, протекающие в человеческом обществе и находящиеся под его контролем. Но это неверно, если понимать социум как сложную функционально структурированную систему, где, среди прочих, существует и относительно автономная демографическая подсистема, обладающая внутренними механизмами поддержания демографического равновесия.

Гораздо более верной мне кажется позиция Д. Реера, изложенная в его сравнительно недавней статье. «Исследователи демографического перехода... гораздо меньше внимания уделяли демографическому переходу как причине, а не следствию процесса преобразования общества... Историки и социологи привыкли считать демографические реалии напрямую зависимыми от экономического воздействия и никак иначе. Я же утверж-

даю, что во многих вопросах демографический переход необходимо рассматривать как ключевой фактор изменений. Демографический переход должен быть изучен как автономный процесс, завершившийся глубинными социальными, экономическими и даже психологическими или мировоззренческими воздействиями на общество. Демографию нужно рассматривать как независимую переменную» [Reher, 2011, p. 11–12; Реэр, 2014, с. 42].

Эсхатология теории демографической революции

Под эсхатологией в данном случае понимаются представления о конечном результате, к которому ведет демографическая революция. Позиция теоретиков этой революции с самого начала была противоречивой, на что, между прочим, обратил внимание автор одной из первых рецензий на книгу Ландри. Автор книги, разделяя озабоченность французских «наталистов» падением рождаемости и надвигающейся депопуляцией, писал, что новый режим рождаемости, который приносит с собой демографическая революция, и в самом деле не способен поддерживать извечное демографическое равновесие. Рецензент же утверждал, что научный уровень книги намного превосходит все, написанное представителями наталистской школы, именно потому, что в ней, несмотря на свойственные этой школе предубеждения, с большой силой представлены новые факты, способные полностью разрушить прежнюю наталистскую концепцию [Koulicher, 1934, p. 257; Кулишер, 2015, с. 32].

Связав снижение рождаемости со снижением смертности, Ландри создал предпосылки для объяснения системных изменений в рамках единого социального целого. Поведение людей менялось, потому что оно не могло не меняться, и общество должно было адаптироваться к новым условиям демографического бытия. В первой половине XX в. в социальных науках уже достаточно прочно утвердилось представление об обществе как сложной системе, обладающей внутренней устойчивостью. Как писал Парсонс, «в процессе развития и приспособления к разнообразным обстоятельствам возникают формы социальной организации, обладающие все большими адаптивными возможностями, менее подверженные воздействию частных, случайных причин» [Парсонс, 2002, с. 11]. Казалось бы, и демографам надо было, в первую очередь, попытаться осмыслить возможные новые «формы социальной организации», обеспечивающие адаптацию общества к новым демографическим реальностям, но для этого надо было видеть общество как целое.

Ландри же пошел по иному пути. Он рассматривал общество как совокупность атомизированных индивидов, среди которых распространился «принцип рационализации жизни», открывающий простор любым чув-

ствам и расчетам. Они-то и подталкивают к сокращению рождаемости, причем «факторы эгоистической природы, видимо, играют все большую и большую роль» [Landry, 1982, p. 41]. Тем самым он заманил целые поколения демографов в ловушку «пессимистической эсхатологии», в соответствии с которой демографическая революция лишает людей стимулов к рождению детей и тем создает предпосылки для безудержного падения рождаемости. Демографы без конца ищут «факторы», влияющие на «чувства и расчеты» людей и пытаются воздействовать на эти факторы, в частности, мерами демографической политики.

Я давно уже пытаюсь противопоставить этому подходу иной, который я назвал «системно-историческим» [Вишневский, 1982]. Этот подход требует выделения и рассмотрения относительно автономной демографической подсистемы общества, обладающей устойчивой «внутренней средой», а потому и способностью к гомеостатическому саморегулированию. С некоторым упрощением можно сказать, что, благодаря наличию такой подсистемы, демографическое поведение людей на статистическом уровне определяется не тем, чего хочет каждый человек в отдельности, а тем, чего требует система. Из этой предпосылки исходит и оптимистическая демографическая эсхатология, по крайней мере, когда речь идет о низкой рождаемости: надолго упасть слишком низко она не может.

Идея о гомеостатической самоорганизации системы долгое время толковалась как ненаучная, мистическая. «Равновесие — не дар божественного провидения» — заголовок раздела в книге французского демографа А. Сови. «Фатализм или пассивная вера в равновесие и естественные реакции — коварнейший из ядов, способных отравить народ...» [Сови, 1977, с. 226—227].

Американский демограф Ч. Уэстоф в статье с характерным названием: «*The return to replacement fertility: a magnetic force?*» скептически писал о «метафизическом предположении, что некий гомеостатический механизм будет обеспечивать поддержание хорошего баланса», и критиковал демографические прогнозы ООН для европейских стран за то, что они исходили из этого «мистического предположения» и «предполагали некую подобную компасу магнетическую силу, которая вытащит эти страны из их заигрываний с сокращением населения и восстановит демографическое равновесие» [Westoff, 1991, p. 227—228].

Опасаются мистики и фатализма и российские демографы. Их беспокоит «*философско-фаталистическая*» (или «*демогегельянская*») аргументация, согласно которой «снижение рождаемости — это объективный процесс, происходящий независимо от наших желаний, оценок и действий, а потому и единственно возможный ... При этом как-то само собой получается, что это спонтанное развитие всегда происходит в согласии с общественными и личными интересами, правда, не совсем понятно, по-

чему (демогегельянство этот вопрос старательно обходит)» [Медков, 2002, с. 371–372]. «Предполагается неизбежность и необратимость исторических процессов, легко переходящая в фаталистический взгляд на происходящие изменения, которые оказываются не зависящими от человеческих действий, совершающимися помимо людей и ведущими к предопределенному конечному результату... В соответствии с этим умонастроением конструируются фазы демографического перехода, ведущие, в конечном счете, к балансу низкой рождаемости и смертности» [Антонов, Борисов, 2011, с. 241].

Неприятие мистики и фатализма — позиция, естественная для науки. Однако сама наука тоже не стоит на месте, и то, что вчера казалось мистическим, потому что не было понято, сегодня может получить научное объяснение. Как писал Людвиг фон Берталанфи, создатель общей теории систем, «такие понятия, как целостность, организация, телеология и направленность движения или функционирования, за которыми в механистической науке закрепилось представление как о ненаучных или метафизических, ныне получили полные права гражданства и рассматриваются как чрезвычайно важные средства научного анализа» [Берталанфи, 1969, с. 32].

Признание или непризнание демографами принципов системной самоорганизации — это вопрос не только согласия с той или иной «демографической эсхатологией». Это в еще большей степени вопрос о том, можно ли считать теорию демографической революции действительно теорией, или о том, при каких условиях она может стать таковой. Широко распространенные описания «моделей», последовательных стадий демографической революции / демографического перехода и т.п. не позволяют подняться выше описательного уровня и, по сути, не дают оснований говорить о теории в полном смысле слова. Если воспользоваться упоминавшимся выше выражением П. Демени, то, несмотря на свой высокий потенциал, она еще не «сгустилась» до настоящей теории. Для того же, чтобы это произошло, надо, с одной стороны, достаточно критически взглянуть на ее нынешнее состояние, а с другой — расширить ее методологические основания до такой степени, чтобы они стали адекватны сложности изучаемых процессов и всей социальной системы, в которой эти процессы протекают.

Список используемой литературы

1. Антонов А. И., Борисов В. А. Лекции по демографии. Учебник для вузов. М.: Академический проект; Альма Матер, 2011.
2. Берталанфи Л. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сб. переводов / Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.

3. Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982.
4. Вишневский А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens* // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 6–33: [электронный ресурс] https://demreview.hse.ru/data/2014/07/15/1312456175/1_%D0%92%D0%B8%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%80%D1%84%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf
5. Демографический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985.
6. Коулмен Д. Третий демографический переход // Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. Т. 1. Ч. 1. М.: Спецкнига, 2013.
7. Кулишер А. Демографический цикл в современных странах // Демографическое обозрение. 2015 (а). Т. 2. № 4. С. 29–30. [электронный ресурс] https://demreview.hse.ru/data/2016/04/12/1126752684/DemRev_2_4_2015_6-34.pdf.
8. Кулишер А. Рецензия на книгу Адольфа Ландри «Демографическая революция» // Демографическое обозрение. 2015 (б). Т. 2. № 4. С. 32–34. [электронный ресурс] https://demreview.hse.ru/data/2016/04/12/1126752684/DemRev_2_4_2015_6-34.pdf.
9. Ландри А. Демографическая революция // Демоскоп Weekly. 2014. № 611–612. 22 сентября — 5 октября 2014: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0611/nauka02.php>
10. Медков В. М. Демография. Учебное пособие. Ростов-на-Дону, «Феникс», 2002.
11. Павлик З. Проблемы демографической революции // Брачность, рождаемость, семья за три века. Под ред. А. Г. Вишневского и И. С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 158–168.
12. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология. Антология. Ч. 2. М.: Книжный дом «Университет», 2002.
13. Сови А. Общая теория населения. Том второй. Жизнь населений. М.: Прогресс, 1977.
14. Резр Д. Экономические и социальные последствия демографического перехода // Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 41–67. [электронный ресурс] https://demreview.hse.ru/data/2015/05/26/1096965771/DemRev_1_4_2014_41-67.pdf.
15. Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость и семья за три века / Под ред. А. Г. Вишневского, И. С. Кона. М.: Статистика, 1979.
16. Billings J. The diminished birth-rate in the United States // The Forum 15. 1893. No. 4. Pp. 467–477.
17. Blacker C. P. Stages in population growth // Eugenic Review. 1947. # 39(3). Pp. 88–101.
18. Caldwell J. C. Toward a restatement of demographic transition theory // Population and Development Review. 1976. Vol. 2, № 3–4. Pp. 321–366.
19. Chesnais J.-C. La transition démographique. Etapes, formes, implications économiques. Etude de séries temporelles (1720–1984) relatives à 67 pays. / Institut national d'études démographiques. Travaux et documents. Cahier no 113. Presses universitaires de France. 1986.
20. Coleman D. Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: A Third Demographic Transition // Population and Development Review. 2006. Vol. 32(3). Pp. 401–446.

21. *Cowgill D. O.* Transition theory as a general population theory // *Social Demography* / Ed. By Thomas R. Ford and Gordon F. de Jong. N.J.: Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1970. Pp. 627–633.
22. *Davis, K.* Demographic fact and policy in India // *Demographic Studies of Selected Areas of Rapid Growth*. New York: The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1944. Vol. 22, No. 3. Pp. 256–278.
23. *Davis K.* The World demographic transition // *The Annals of the American Academy of Political and Social science*. 1945. Vol. 237. World Population in Transition. Pp. 1–11.
24. *Davis K.* The theory of change and response in modern demographic history // *Population Index*. 1963. Vol. 29. № 4. Pp. 345–366.
25. *Demeny P.* Early Fertility Decline in Austria-Hungary: A Lesson in Demographic Transition // *Daedalus*. 1968. Vol. 97. No. 2. Historical Population Studies. Pp. 502–522.
26. *Eggleston K. N., Fuchs V. R.* The new demographic transition: Most gains in life expectancy now realized late in life // *Journal of Economic Perspectives*. 2012. V. 26. No. 3. Pp. 137–156.
27. *Frenk J., Bobadilla J. L., Stern C., Frejka T., Lozano R.* Elements for a theory of the health transition // *Health Transition Review*. 1991. Vol. 1. No. 1 (APRIL). Pp. 21–38.
28. *Friedlander D.* Demographic Responses and Population Change // *Demography*. 1969. Vol. 6. Pp. 359–381.
29. *Hajnal J.* European marriage patterns in perspective // *Population in history*. London. 1965.
30. *Hodgson D.* Demography as social science and policy science // *Population and Development Review*. 1983. Vol. 9. No. 1. Pp. 1–34.
31. *Kirk D.* Demographic Transition Theory // *Population Studies*. 1996. Vol. 50. Pp. 361–387.
32. *Koulischer A.* Le cycle de population dans les pays modernes // VIIe Congrès international des sciences historiques. Résumés des communications présentées au Congrès. 1933. Vol. II. Varsovie. Pp. 354–355. (Перепечатка: Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 4. С. 28–29. [электронный ресурс] https://demreview.hse.ru/data/2016/04/12/1126752684/DemRev_2_4_2015_6-34.pdf)
33. *Koulischer A.* Critique du livre « La révolution démographique » d'Adolphe Landry // *Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique*. 1934. 4(1–2). Pp. 257–259. (Перепечатка: Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 4. С. 30–32 [электронный ресурс] https://demreview.hse.ru/data/2016/04/12/1126752684/DemRev_2_4_2015_6-34.pdf).
34. *Landry A.* Les trois théories principales de la population. Scientia, 1909.
35. *Landry A.* La révolution démographique. Paris: Recueil Sirey, 1934.
36. *Landry A.* La révolution démographique. Études et essais sur les problèmes de la population. INED, 1982.
37. *Livi Bacci M.* A propos de la transition démographique // *Transitions démographiques et sociétés*. Chaire Quetelet 1992. Sous la direction de D. Tabutin, T. Eggerickx, C. Gourbin. Academia - L'Harmattan, Louvain-la-Neuve, 1995. Pp. 449–457.
38. *Meslé F. et Vallin J.* La transition sanitaire : tendances et perspectives // *Démographie: analyse et synthèse*. Sous la direction de G. Caselli, J. Vallin et G. Wunsch. INED, 2002. Vol. III. Ch. 57.
39. *Notestein F. W.* Some implications of population change for post-war Europe // *Proceedings of the American Philosophical Society* 87, 1943, no. 2 (August). Pp. 165–174.

40. *Notestein F. W.* Population — the long view // *Food for the World*, ed. Theodore Schultz. Chicago: University of Chicago Press, 1945.
41. *Omran A. R.* The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 1971. Vol. 49. No. 4. Pt. 1. 1971. Pp. 509–538.
42. *Omran A. R.* The Epidemiologic Transition: A Theory of the Epidemiology of Population Change // *The Milbank Quarterly*. 2005. Vol. 83. № 4. Pp. 731–757.
43. *Reher D. S.* Economic and Social Implications of the Demographic Transition // *Population and Development Review*. 2011. # 37 (Supplement). Pp. 11–33.
44. [*Terris M.*] Editoriale // *American Journal of Public Health*. 1972. Vol. 62, No. 11. Pp. 1439–1441.
45. *Terris M.* The Epidemiologic Revolution, National Health Insurance and the Role of Health Departments // *American Journal of Public Health*. 1976. December. Vol. 66, No. 12. Pp. 1155–1164.
46. *Thompson W. S.* Population // *The American Journal of Sociology*. 1929. Vol. 34, No. 6. Pp. 959–975.
47. *Van de Kaa D. J.* Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. № 1.
48. *Vishnevsky A.* Demographic revolution and the future of fertility: a systems approach / W. Lutz (ed.) / *Future Demographic Trends in Europe and North America*, Academic Press. London, 1991. Pp. 257–280.
49. *Westoff Ch. F., Ryder N. B.* *The Contraceptive Revolution*: Princeton University Press, 1977.
50. *Westoff Ch. F.* The return to replacement fertility: a magnetic force? / W. Lutz (ed.) / *Future Demographic Trends in Europe and North America*, Academic Press. London. 1991. Pp. 227–234.
51. *Zelinsky W.* The Hypothesis of the mobility transition // *Geographical Review*. 1971. Vol. 61. No. 2.